

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

УДК 94:271.2-664.5(=512.37)«1771/1773»

С. В. Джунджузов, Л. Б. Полшкова

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КАЛМЫКОВ, ВОЗВРАЩАВШИХСЯ В РОССИЮ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ОТКОЧЁВКИ В КИТАЙ В 1771–1773 ГГ.

Аннотация: В статье анализируются ранее не изученные в историографии аспекты принятия православного крещения калмыками, которые после откочёвки основной части Калмыцкой орды в Китай в 1771 г. вернулись на территорию Российской империи. Источниковую базу исследования составили материалы фонда «Оренбургская губернская канцелярия» Объединённого государственного архива Оренбургской области. Нижней хронологической границей работы определён январь 1771 г. – момент ухода калмыков-торгоутов с прежних кочевий; верхней – осень 1773 г., начало восстания под предводительством Е. Пугачёва. В заключении обосновывается вывод, что смена буддийского вероисповедания на православное у калмыков, вернувшихся в Россию, диктовалась сугубо практическими основаниями. К их числу относились: финансовая помощь, которую государство предоставляло крещёным представителям нехристианских народов; стремление избавиться от эксплуатации со стороны калмыцкой знати; возможность воссоединения с родственниками, уже принявшими крещение; наконец, надежда избежать наказания за совершённые противоправные действия. Общее количество крестившихся калмыков за указанный период, по оценкам, могло составлять сто и более человек. Отсутствие сводных статистических сведений не позволяет привести более точные данные.

Ключевые слова: казаки, казахи, калмыки, крещёные калмыки, Китай, откочёвка 1771 г., крещение, Оренбургская губерния, плен, Россия, христианизация.

Сведения об авторах: Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (Россия, Оренбург). E-mail: djund@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>.

Полшкова Лариса Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных дисциплин, Оренбургская духовная семинария (Россия, Оренбург). E-mail: metodist-orends@mail.ru.

Цитирование: Джунджузов С. В., Полшкова Л. Б. Христианизация калмыков, возвращавшихся в Россию во время и после откочёвки в Китай в 1771–1773 гг. // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2026. Вып. 1 (38). С. 92–108.

Поступила в редакцию: 17.02.2026. Принята к публикации: 20.03.2026.

Введение. Православие в Российской империи XVIII в. выполняло не только духовную, но и важную государственно-интегративную функцию, выступая в качестве одной из основ объединения разнородных этносов и религиозных групп вокруг имперского центра. Принятие Святого Крещения открывало перед представителями нехристианских этносов доступ к покровительству государства, правовой защите, материальной поддержке и возможности встраивания в сословную структуру империи. В январе 1771 года большая часть калмыков-торгоутов во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши, недовольная усилением административного давления со стороны российских властей, приняла решение оставить прежние кочевья в Нижнем Поволжье и откочевать в Джунгарию, перейдя в китайское подданство. Однако уже вскоре после ухода основной массы орды началось возвращение калмыков на прежние места обитания. Отдельные группы и одиночки, не выдержав тягот пути, голода, болезней и притеснений со стороны китайских чиновников, а также спасаясь от плена у казахов (киргиз-кайсаков), стали появляться на пограничных линиях Российской империи уже в конце февраля – начале марта 1771 г. Процесс возвращения продолжался и в 1772–1773 гг., достигнув своего пика в период, предшествовавший восстанию Е. И. Пугачёва.

Историография. История изучения христианизации крещёных калмыков и их поселения в Волго-уральском регионе имеет давнюю традицию¹. Однако говорить о её научной завершённости не приходится. Формирование этноконфессиональной группы крещёных калмыков явилось закономерным результатом принятия калмыками российского подданства и дальнейшего взаимодействия с русскими казаками и жителями соседних уездов. Начальные сведения о переходе калмыков в лоно Православной Церкви относятся к XVII в. В шерти (договорная клятва – С. Д.),

¹ Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб. : тип. Карла Крайя, 1834. 286 с.; *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. общества, 1887. 405 с.; *Витевский В. Н. И.* И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Вып. 2. Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1890. 368 с.; *Гурий (Степанов), священномученик.* Очерки истории распространения христианства среди монгольских племен : в 2 т. Т. 1. Калмыки. Казань : Центральная типография, 1915. 254 с.; *Шовунов К. П.* Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста : Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий институт общественных наук, 1992. 320 с.; *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М. : Вост. лит., 2006. С. 58; *Джунджузов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века): монография. Оренбург : ОГАУ, 2014. 434 с.

подписанной в 1673 г. астраханским воеводой Я. Н. Одоевским и калмыцким тайшей Аюкой, содержалось обязательство калмыцкой стороны не требовать возвращения в улусы принимавших крещение калмыков².

Целенаправленная политика христианизации калмыков наметилась в конце царствования Петра I. 15 ноября 1724 г. в Санкт-Петербурге был проведён обряд крещения внука Аюки-хана Баксадая-Доржи и семи сопровождавших его зайсангов. Восприемником новокрещёного калмыцкого владельца (нойона) Петра Петровича Тайшина стал сам император. По возвращении П. Тайшина в Калмыцкое ханство при его улусе в 1725 г. была учреждена первая православная миссия, которую возглавил иеромонах Никодим Ленкеевич. По сведениям, представленным Астраханской духовной консисторией, с 1724 по 1735 г. миссионерами было окрещено 863 кибитки (семьи) «и в них мужского и женского пола 2883 души»³. Более весомым показателем до 1,5 тыс. кибиток окрещённых калмыков оперирует К. В. Орлова⁴.

Члены миссии постоянно сталкивались с враждебным отношением со стороны подстрекаемой буддийским духовенством калмыцкой знати, так как для её представителей – нойонов и зайсангов – простолюдины являлись объектом собственности и власти. Под их давлением к 1736 г. Православная миссия свернула активную деятельность в Калмыцкой степи. Оставшиеся без попечения духовных пастырей и защиты русских властей, крещёные калмыки подпадали под влияние своих некрещёных сородичей и владельцев и в большинстве своём вновь становились приверженцами буддийского вероучения.

Под давлением указанных обстоятельств и прошений самого крещёного владельца Петра Тайшина правительство принимает решение о переводе крещёных калмыков на отдалённую от Калмыцкого ханства территорию Российской империи. С этой целью в 1737 г. в Самарском Поволжье было основано поселение крещёных калмыков с административным центром в Ставрополе-на-Волге (с 1964 г. – Тольятти). С конца 1740-х гг. крещёных калмыков также стали селить в окрестностях Оренбурга.

² Историческое обозрение волжских калмыков // Журнал министерства внутренних дел. 1833. № 7. С. 308.

³ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1249. Л. 28.

⁴ Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. ... С. 58.

Численность крещёных калмыков в новых поселениях существенно возрастала в периоды обострений политической ситуации в Калмыцком ханстве, когда неудачливые сторонники одной из борющихся за верховную власть группировок вынуждены были искать убежище в России и с подвластными им людьми воспринимали православие. В начале 1760-х гг. к ним присоединились вытесненные китайскими завоевателями и принявшие в России христианство джунгары. К 1768 г. численность ставропольских крещёных калмыков составила 8157 человек – 4236 мужчин и 3921 женщина⁵. Сведений о численности оренбургских калмыков в последней трети XVIII в. не установлено. Но если учесть, что к концу века за счёт крещёных оренбургских калмыков формировались две роты тысячного оренбургского корпуса, то можно предположить, что численность жителей на отведённой им в Бузулукском уезде территории не должна была быть менее тысячи человек.

Собственно, сама политика христианизации, проводимая Православной Церковью при поддержке государства, по мнению историков-калмыковедов, оказала весомое влияние на решение наместника Калмыцкого ханства Убаши вывести калмыцкий народ из российского подданства⁶.

Тысячи калмыков стали казахскими пленниками. Недовольными оказанным «гостеприимством» остались и рядовые калмыки, принятые в китайское подданство. Большинство сумевших вернуться в Россию калмыков жаловались на «худое» их содержание китайцами. Один из таких возвратившихся калмыков, Бара Анбин, рассказал: «Всем калмыкам от китайцев провиант идёт на четырёх человек по мешку муки и по барану в месяц, и содержание их самое худое и пищу недостаточное». Те немногие, кому удавалось перейти китайскую границу, становились добычей казахов. Как пояснял тот же Анбин: «Только тех беглых киргизы не пропускают никогда, захватывая, у себя держат. А которым убежать не удастся и посланными китайцами пойманы будут, всем рубят головы, как то и при нем пойманным и привезенным семерым калмыкам, головы при собрании калмык отрубили»⁷.

⁵ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 98.

⁶ Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале... С. 63; Цорюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : Джангар, 2007. С. 338–339.

⁷ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе... 368 с.; Гурий (Степанов), священномученик. Очерки истории распространения христианства... 254 с.; Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале... 434 с.

В представленном исследовании рассматриваются не нашедшие отражения в историографии события, связанные с крещением калмыков, возвращавшихся в Россию из откочевавшей в 1771 г. в Китай Калмыцкой орды.

Цель исследования – на основе архивных источников установить причины, побуждавшие калмыков, возвращавшихся в Россию после откочёвки 1771 г., к смене вероисповедания, а также проанализировать обстоятельства их перехода в христианство и последующего определения на жительство в калмыцкие поселения Оренбургской губернии.

Научная новизна. Вводимые в научный оборот архивные материалы позволяют реконструировать формальную процедуру крещения (от публичного заявления до определения на жительство), что дополняет историографию христианизации кочевых народов России микроисторическим уровнем анализа.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении механизмов и мотивации религиозной конверсии в поликонфессиональной Российской империи второй половины XVIII в. На примере калмыков-возвращенцев 1771–1773 гг. показано, что принятие православия определялось не только государственно-церковной политикой, но и рациональным выбором, обусловленным материальными, социальными и правовыми соображениями. Результаты могут служить основой для сравнительных исследований религиозной конверсии среди других этносов империи.

Авторами использовались историко-генетический, структурно-функциональный **методы** исследования.

Источниковый материал был выявлен в фонде 3 «Оренбургская губернская канцелярия» Объединённого государственного архива Оренбургской области. Для изучения рассматриваемых событий были изучены донесения военных чиновников о задержании калмыков на пограничных линиях и об объявленном ими желании воспринять Святое Крещение; ордера оренбургского губернатора в Оренбургскую духовную консисторию о подготовке и проведении обряда крещения и направлении новокрещёных калмыков на поселение в Оренбург или в Ставрополь. Особую ценность представляют задокументированные показания самих калмыков, в которых указывались: имя, возраст, происхождение, обстоятельства ухода и возвращения в Россию, и обязательно подтверждённое личное желание стать православным христианином.

Хронологические рамки данного исследования ограничиваются периодом 1771–1773 гг. Его нижняя граница определяется временем

откочёвки калмыков-торгоутов из России, а верхняя – начавшимся осенью 1773 г. восстанием Е. И. Пугачёва, ставшим помехой для приёма и перемещения возвращавшихся калмыков. Разорение поселений крещёных калмыков в Среднем Поволжье и на Южном Урале в период «пугачёвского лихолетья» привело к тому, что наряду с приёмом калмыков, возвращавшихся из Китая и казахского (киргиз-кайсацкого) плена, российским властям приходилось заниматься поиском и задержанием ставропольских и оренбургских крещёных калмыков.

Обсуждение и результаты. Первое, к тому же коллективное, прошение о желании перейти в христианство последовало от 54 калмыков, вышедших 9 февраля 1771 г. из Казахской степи в Калмыкову крепость. О себе они рассказали, что прежде в четырнадцати кибитках имели кочевье по берегам Каспийского моря. По распоряжению наместника Калмыцкого ханства Убаши они были отведены к реке Камыш-Самаре и там оставлены на кочевье. Пробыв там два дня и убедившись, что места для привольного кочевья недостаточно, решили повернуть обратно, но были ограблены настигшими их улусными людьми нойона Асархи. Грабители отобрали лошадей, скот и все имевшиеся у них деньги. Калмыки, потерявшие всё своё имущество, чтобы идти вслед за Калмыцкой ордой, вынуждены были бросить в степи больных старика и ребёнка. Кроме дозволения к восприятию Христианского закона, они просили разрешения на поселение в Яицком городке и взыскании с нойона Асархи, задержанного походным атаманом Алексеем Митрясовым, всего отобранного у них имущества⁸.

Первой реакцией оренбургского губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа на полученное донесение было требование: «всех калмык, в том числе и желающих воспринять Святое Крещение, отправить в их места, дав, однако, знать о том их желании астраханскому губернатору, который, имея о том достаточное наставление, может по прошениям их и во Святое Крещение допустить, а притом, по жалобе их, удовольствие им доставить»⁹. Однако калмыки, ходатайствовавшие об оставлении их на землях Яицкого войска, вовсе не желали возвращаться в Астраханскую губернию, где их могли передать в управление тому же Асархи или другому, не менее алчному нойону.

⁸Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 126, 330–331.

⁹ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 8.

К удовольствию этих калмыков исполнение распоряжения оренбургского губернатора яицким войсковым начальством было отложено. Отсрочка объяснялась двумя обстоятельствами: во-первых, перевозить большую партию людей в зимнее время было крайне затруднительно; во-вторых, потерявшие скот калмыки были настолько бедны, что не имели средств даже для собственного пропитания¹⁰. В данном случае сработала поговорка «не было счастья, да несчастье помогло». Губернатор И. А. Рейнсдорп пересмотрел своё решение. 2 марта 1771 г. в письме командующему войсками Оренбургского корпуса генерал-майору Ивану Кирилловичу Давыдову он предложил переправить желающих стать христианами калмыков в Ставрополь, и там, по наставлению в православном вероучении, крестить¹¹. Расходы, связанные с содержанием калмыков в Яицком войске, их сопровождением сначала до Самары, а затем от Самары до Ставрополя, предписывалось возместить за счёт суммы, определённой в Ставропольском войске на снабжение бедных калмыков¹². Через три дня И. К. Давыдов заверил губернатора, что калмыки охотно согласились идти в Самару и от крещения не отказываются¹³.

Калмыки, временно оставленные при Яицком войске, воспользовались задержкой для подачи коллективного иска о взыскании понесённых ими убытков на сумму на 1060 рублей 75 копеек с улусных людей нойона Асархи. Принимая обвинение, Асархи обещал провести собственное расследование: «и, ежели то найдётся, в то время и удовольствованы быть могут». Однако И. К. Давыдов выразил уверенность, что после отправки улуса Асархи в Астрахань «никакого удовольствия от него уповать не можно»¹⁴.

Большая часть выразивших желание креститься калмыков, численностью 37 человек, в сопровождении конвоя из яицких казаков, прибыли в Самару 18 марта. В Самарской комендантской канцелярии каждому из них на продовольствие и покупку одежды выдали по 50 копеек. На следующий день, под конвоем теперь уже самарских казаков,

¹⁰ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 447.

¹¹ Там же. Л. 478.

¹² ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 122.

¹⁴ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 126.

на десяти казачьих подводах калмыки выехали в Ставрополь¹⁵. Семнадцать заболевших калмыков из этой партии до выздоровления было решено оставить в Яицком городке. Из них десять человек были отправлены в Ставрополь 10 мая¹⁶.

В качестве одной из причин перехода некоторых калмыков в христианство современники и исследователи православного миссионерства объясняют их стремлением избежать наказания за совершённые преступления. 15 октября 1771 г. на имя оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа от калмыков Цой Лозана Темирова и Шарапа Дондукова было подано прошение об освобождении их из острога и намерении «восприять Христианский закон и от того возыметь себе некоторую свободу». К этому времени Темиров и Дондуков уже шесть месяцев содержались в заточении и вместе с ссыльными посылались на казённые работы¹⁷.

Темиров и Дондуков обвинялись в подстрекательстве и принуждении калмыков, состоявших казаками Яицкого войска, и кочевавших на войсковой территории волжских калмыков присоединиться к мятежной Калмыцкой орде и идти в Джунгарию. Кроме того, Шарап Дондуков обвинялся в организованном совместно с подельниками калмыками захвате на реке Деркул 200 татарских лошадей. А нанятый их пасти башкир А. Кунаков, без его участия, был ранен в ногу¹⁸. На допросе в Оренбургской губернской канцелярии Цой Лозан Темиров представил дело так, будто на побег они решились под влиянием слуха и давлением владельцев. Ушедшие с наместником Убаши калмыки никакого имущества у него не взяли. Зато задержавшая их казачья команда отобрала у Ш. Дондукова шесть верблюдов, три лошади, 12 коров, 12 овец, ружьё и 4 рубля денег, а у него осёдланного иноходца и денег 40 рублей¹⁹.

До подачи прошения о восприятии христианства судьба Дондукова и Темирова оставалась неопределённой. За разъяснением правового обоснования положенного им наказания, «как здесь первый ещё такой казус случился», И. А. Рейнсдорп вынужден был обратиться в Коллегию иностранных дел. Теперь же он мог руководствоваться именованным

¹⁵ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 173.

¹⁶ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 120. Л. 283, 306 об.

¹⁷ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 121. Л. 31.

¹⁸ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 47.

¹⁹ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 121. Л. 23–23 об.

императорским указом от 20 декабря 1745 г., которым предписывалось содержащихся под караулом иноверцев, по маловажным делам – за мелкие кражи и ссоры – «за восприятием Святого Крещения такие вины отпущать и из под караула чинить их свободных». Калмыцким арестантам разрешили покинуть острог под поручительство оренбургских калмыков-казаков Никиты Тетень и Филипа Дюнова и готовившего их к обряду Крещения священника Романа Курбатова²⁰.

Ушедшая за Яик Калмыцкая орда более месяца продвигалась к реке Эмбе, не подвергаясь преследованию со стороны казахов и яицких казаков. Десятки калмыков малыми партиями или одиночно отваживались убежать от своих владельцев и возвращаться в Россию. Яицкие казаки продолжали задерживать и отставших калмыков, не успевших уйти за Яик в казахские степи. По указу Екатерины II от 27 января 1771 г. не оказывавшие сопротивления калмыки должны были возвращаться к местам прежних кочевий. Однако встречавшие их на форпостах яицкие казаки нередко отбирали у них скот и имущество, а самих калмыков распределяли между собой или продавали как невольников сторонним покупателям.

Так случилось с партией калмыков, задержанных командой атамана А. Митрясова вблизи крепости Индерских гор. Их представитель Гуча Батаев 8 марта представил жалобу на яицких казаков в Губернскую канцелярию. В ней говорилось, что их партия в числе четырёх кибиток оторвалась от мятежников-калмыков и направлялась в Яицкий городок с непоколебимым желанием остаться в российском подданстве и воспринять Святое Крещение. Но, не доезжая до него, были пленены есаулом Иваном Макарычевым. Всего был задержан 31 человек, включая женщин и детей. К тому времени из сопровождавших их партию десяти наместниковых калмыков девять ушли далеко вперёд, а последний, десятый, увидев казаков, сбежал. Они же «точно по своему желанию остались, и с казаками супротивления не только никакого не имели, но и просили, чтоб под защиту их приняты были». Согласно представленному реестру, у калмыцких пленников было отобрано 30 рублей денег, 25 лошадей, 34 коровы, 50 овец, 13 тулупов и прочее имущество. Всё отобранное казаки поделили между собой, а самих калмыков, как утверждал Г. Батаев, И. Макарычев намеривался поработить²¹.

²⁰ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 121. Л. 29–29 об.

²¹ Там же. Л. 92, 108–109 об.

По требованию оренбургского губернатора Войсковая канцелярия провела своё расследование. Из показаний Есаула Макарычева и казаков, причастных к задержанию калмыков, с незначительными разногласиями вырисовывалась иная картина. Направлявшаяся к Яику партия волжских калмыков была замечена со сторожевой вышки на расстоянии десяти вёрст от крепости Индерских гор. И. Макарычев с командой из тридцати казаков начал преследование. Заметившие их калмыки открыли оружейную стрельбу. Трое или четверо калмыков успели переправиться через Яик, остальные, во главе с Чугой Батаевым, были задержаны и приведены в крепость. О желании остаться в России никто из задержанных калмыков не заявлял. Ссылаясь на ордер генерал-майора И. К. Давыдова: «ежели кто храбростью своею от калмык добычу получит, то тем и владеть», И. Макарычев посчитал лошадей и скот законной добычей и раздал казакам²².

По требованию губернатора И. А. Рейнсдорпа и генерал-майора И. К. Давыдова Войсковая канцелярия Яицкого казачьего войска поручила старшине Кириллу Филимонову собрать всех задержанных в крепости Индерских гор калмыков для дальнейшей отправки в Астрахань. К июлю из той партии калмыков пять человек умерли от оспы и других болезней. Из оставшихся 26 человек 9 приняли христианство, а 17 оставались некрещёнными²³.

По прибытии в крепость Филимонов выяснил, что это решение не устраивало как казаков, так и самих калмыков. Индерские крепостные казаки, посчитав калмыков законной добычей, распродали их состоятельным казакам из войсковых старшин. Как пояснил есаул Макарычев, полученные от продажи деньги стали компенсацией за разорение, причинённое им Калмыцкой ордой, которые «издержаны все на хлеб и прочую казачью исправность»²⁴. Старшина Мартемьян Бородин, купивший в крепости Индерских гор восемь калмыков, просил Войсковую канцелярию компенсировать все расходы, связанные с их покупкой, перевозом в Яицкий городок, лечением от оспы и длительным содержанием за его, Бородина, счёт. С аналогичными требованиями в канцелярию обратились старшина Н. Мостовщиков и казак Я. Витошников²⁵. Однако

²²ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 121. Л. 89–89 об.

²³Там же. Л. 95.

²⁴Там же. Л. 98.

²⁵Там же. Л. 96–98.

И. А. Рейнсдорп продолжал настаивать на исполнении Яицким войском требования об отправке некрещёных калмыков на кочевье в Астраханскую губернию. Ответственность за понесённые убытки оренбургский губернатор перекладывал на самих яицких казаков и их старшин. А далее вопрос о компенсации предлагал уже улаживать с астраханским губернатором. Восприявших крещение калмыков, с их выраженного согласия, казаки могли оставить при себе²⁶.

Калмыки, как было сказано выше, не хотели возвращаться в Астраханскую губернию. Г. Батаев просил оренбургского губернатора собрать всех желающих креститься калмыков в Оренбурге и, после восприятия Святого Крещения, определить их на жительство к оренбургским крещёным калмыкам²⁷. К сожалению, задокументированного решения по поводу дальнейшей судьбы второй партии калмыков, выразившей желание стать православными христианами, обнаружить не удалось. Если же исходить из сложившейся практики и заинтересованности губернатора И. А. Рейнсдорпа в пополнении Оренбургского казачьего войска за счёт крещёных калмыков, то можно предположить, что ходатайство, поданное Г. Батаевым от имени его доверителей, было поддержано и удовлетворено.

Однако ни трудности, связанные с организацией побега, ни страх быть пойманными, не останавливали калмыков в их стремлении вернуться в Россию. Партиями и поодиночке их принимали в крепостях и форпостах на всём протяжении юго-восточных границ Российской империи, от низовьев Яика до Восточной Сибири. Указом Коллегии иностранных дел от 29 июня 1772 г., с приложенным к нему высочайшим рескриптом на имя иркутского губернатора генерал-поручика А. И. Бриля, предписывалось: «Выбежавших из толпы, бежавших изменников волжских калмык, ежели, когда таковые оказались как природных здешних подданных, явным образом, везде на границах принимать, с тем, чтоб они содержаны были в безопасном месте, пока об них в Государственную коллегию иностранных дел донесено будет и получится точная резолюция»²⁸.

Сотни таких возвращавшихся калмыков, прежде чем им выпадал случай сбежать от своих казахских хозяев, от нескольких дней до десятков лет оставались невольниками в казахском плену. Большинство

²⁶ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 121. Л. 100–100 об.

²⁷ Там же. Л. 109.

²⁸ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 136. Л. 5.

из них выражали желание жительство иметь на прежнем месте, на реке Волге или Дону. Но было немало и тех, кто переходил из буддизма в христианство.

Непременным условием для проведения обряда крещения являлось собственное желание, публично выраженное и документально засвидетельствованное. Мотивацией к смене вероисповедания могло служить сиротство: «Родиною де он калмык, а каких волжских ли торгоутских или зенгорских того, за малолетством его, киргизкайкасами плененный, не знает», или, напротив, старость: «Желание де имеет он воспрять Святое крещение и жительство иметь при здешних калмыках. А на прежнем де пребывании родственников у него никого не осталось»²⁹. Православными христианами обычно также становились калмыки, имевшие родственников среди оренбургских или ставропольских крещёных калмыков: «то б мы тем Святым крещением удостоены были и жительством находились при родственниках наших обще в Ставрополе, коих тамо у нас немало есть»³⁰.

Выходивших из Китая, а чаще из Среднего казахского жуза на сибирские линии калмыков направляли в крупные по меркам того времени крепостные города – Омск, Тобольск. Откуда, по формированию партий в несколько десятков человек, в тёплое время года по тракту, проложенному вдоль Верхне-Яицкой линии, конвоировали в Оренбург. Креститься калмыки могли и в Сибирских крепостях, но чаще их переход в христианство случался именно в Оренбурге. Следуя предписанию указа Коллегии иностранных дел от 1 июля 1773 г., оренбургский губернатор обязался содержать пересылаемых через его губернию калмыков в таком месте, чтобы они ни малейшего сношения с оставшимися на Волге калмыками иметь не могли. Вопрос о дальнейшем их этапировании в Астрахань И. А. Рпейнсдорп должен был согласовать с астраханским губернатором, а в его отсутствие – с Астраханской губернской канцелярией³¹. В Оренбурге возвращавшиеся на Волгу калмыки могли свободно общаться с нёщими казачью службу крещёными калмыками из Оренбургского и Ставропольского поселений, и под их влиянием принять решение о смене вероисповедания.

²⁹ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 136. Л. 9–9 об.

³⁰ Там же. Л. 41.

³¹ Там же. Л. 27.

Все прибывавшие в Оренбург калмыки обязательно подвергались допросу в Оренбургской губернской канцелярии, и те из них, кто изъявлял желание перейти в Православную христианскую веру греческого исповедания, для наставления и последующего Крещения направлялись к священникам Роману Петрову и Роману Курбатову. Последний состоял священником Георгиевского храма, и если это не случайное совпадение имени и фамилии, то об отце Романе можно говорить как об опытном миссионере, не понаслышке знавшем образ жизни и обычаи калмыков. Священномученик архимандрит Гурий (Степанов) в работе «Забытая жатва: миссионерская деятельность среди приволжских калмыков» упоминает Романа Курбатова как одного из членов ещё первой православной миссии, образованной под руководством архимандрита Никодима Ленкеевича в 1725 г. В миссию он был отобран в числе недоучившихся школьников Славяно-греко-латинской академии. После свёртывания деятельности первой православной миссии в конце 1730-х гг. Р. Курбатов вместе с протопопом Андреем Чубовским получил назначение в Ставрополь-на-Волге – во вторую православную миссию, а оттуда переведён в Оренбург. Иеромонах Гурий также высказал предположение, что, находясь в Ставрополе, Р. Курбатов перевёл на калмыцкий язык букварь, а несколько позднее и катехизис, но эти переводы не получили распространения³².

В списке, составленном в Оренбургской губернской канцелярии не позднее октября 1773 г., приведены имена 21 калмыка, которые не были отправлены в Астрахань. В указанном списке нет сведений о крещении только пяти человек. Из них трое – Баар Отекланов, Зотбо Отклин и Габунг Доржиев – оставлены в Оренбурге. Шестнадцать калмыков стали православными христианами – пятнадцать выбрали местом своего будущего проживания Ставропольское поселение, и лишь один – Лаврентий Степанов – «по ево желанию и по крещении, оставлен при Оренбурге»³³.

Случившиеся в 1771 г. конфликты между возвращавшимися в Россию калмыками и встречавшими их казаками больше не повторялись. В 1773 г. о защите имущественных прав в Оренбургскую губернскую канцелярию от калмыков поступило лишь одно прошение. Вышедшая

³² Забытая жатва. Миссионерская деятельность среди приволжских калмыков. (К вопросу о методах миссионерского воздействия на ламайтов). Речь, предназнач. для произнесения на торжеств. годич. собр. Казан. духов. акад. 8 нояб. 1914 г. инспектором Акад. и э. орд. проф., архимандритом Гурием. Казань : Центр. тип., 1914. С. 29.

³³ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 136. Л. 131–133.

в августе 1773 г. из казахского плена в Орскую крепость Бюрюня Бандова, по крещении Наталья Терентьева, обвинила орского коменданта секунд-майора фон Бенеке в присвоении её лошади. Бюрюня выразила недоверие сообщению толмача, что лошадь, на которой она сбежала из казахского плена, пала от быстрой езды, и потребовала её возвращения с седлом и уздой. И. А. Рейнсдорп приказал отыскать указанную лошадь и провести расследование. Комендант фон Бенеке назвал поступившую на него жалобу поклёпом. В ответном рапорте губернатору он пояснил, что не встречался с Б. Бандовой, так как во время её пребывания в Орской крепости страдал от тяжёлой болезни: «от ног и от поясицы движения не имел». Сама же Бюрюня на допросе через толмача, новокрещёного оренбургского казака Ивана Иванова, объявила, что во время её побега от казахов на реке Ирикле её лошадь увязла в глубокой грязи, и вырваться без посторонней помощи она не могла. Помог ей проезжавший мимо сын отставного драгуна, малолеток Иван Какурин, которому она обещала за спасение отдать лошадь. Однако обещания своего по прибытии в крепость Б. Бандова не выполнила. Лошадь своему спасителю она продала за три рубля. В благодарность, под расчёт, дала ему 50 копеек. Губернатор, видимо, был удовлетворён ответом орского коменданта и оставил претензии калмычки без последствий. Сама же Бюрюня Бандова после проведённого в Оренбурге обряда крещения была отправлена в Ставрополь³⁴.

Заключение. Собранный и проанализированный архивный материал позволяет сделать вывод о том, что восприятие христианства калмыками, возвращавшимися в 1771–1773 гг. из Китая и казахского плена в Россию, определялось прагматическими, житейскими соображениями. Они могли заключаться в материальной поддержке, оказываемой российским государством новокрещёным инородцам в стремлении освободиться от власти калмыцких феодалов найти приют у родственников из числа крещёных калмыков, наконец, в возможности избежать наказания за измену и разбойные действия, совершённые мятежной Калмыцкой ордой на пути к Яику (Уралу) в январе 1771 г. За плечами у этих калмыков были сотни и тысячи вёрст, пройденных по Казахской степи. Большинство из них пережили голод, потерю родственников, плен и полный опасностей побег к российским рубежам.

³⁴ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 136. Л. 88–90 об.

Переход в христианство сопровождался формальными процедурами: публичным заявлением желания на допросе в Оренбургской губернской канцелярии, наставлением в вере священниками (Романом Курбатовым и Романом Петровым), а нередко и поручительством крещёных калмыков-казаков. Сама процедура крещения проводилась в Оренбурге, реже – в крепостях на пограничных линиях. Крестившиеся калмыки направлялись преимущественно в Ставропольскую крещено-калмыцкую слободу, где у многих имелись родственники, либо, при наличии соответствующего желания, оставались в Оренбурге для несения казачьей службы.

Число крестившихся калмыков в рассматриваемый период могло достигать ста и более человек. Говорить о более точных сведениях не приходится. Какой-либо обобщающей статистики не сохранилось. Также мы не можем однозначно судить о дальнейшей судьбе новокрещёных калмыков, так как большинство оренбургских и ставропольских крещёных калмыков в 1773–1774 гг. примкнули к Е. И. Пугачёву и покинули свои поселения. После подавления восстания более трети из них так и не вернулись к оставленным очагам.

Архивные источники

1. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1249.
2. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 114.
3. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118.
4. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119.
5. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 120.
6. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 121.
7. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 136.
8. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323.

Источники и литература

9. *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Вып. 2. Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1890. 368 с.
10. *Гурий (Степанов), священномученик.* Очерки истории распространения христианства среди монгольских племен : в 2 т. Т. 1. Калмыки. Казань : Центральная типография, 1915. 254 с.
11. *Джунджузов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века): монография. Оренбург : ОГАУ, 2014. 434 с.
12. *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д : СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.

13. Забытая жатва. Миссионерская деятельность среди приволжских калмыков. (К вопросу о методах миссионерского воздействия на ламаитов). Речь, предназнач. для произведения на торжеств. годич. собр. Казан. духов. акад. 8 нояб. 1914 г. инспектором Акад. и э. орд. проф., архимандритом Гурием. Казань : Центр. тип., 1914. 49 с.

14. Историческое обозрение волжских калмыков // Журнал министерства внутренних дел. 1833. № 7. С. 279–325.

15. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб. : тип. Карла Крайя, 1834. 286 с.

16. Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М. : Вост. лит., 2006. 207 с.

17. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. общества, 1887. 405 с.

18. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : Джангар, 2007. 462 с.

19. Шовунов К. П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста : Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий институт общественных наук, 1992. 320 с.

S. V. Dzhundzhuzov, L. B. Polshkova

THE CHRISTIANIZATION OF KALMYKS RETURNING TO RUSSIA DURING AND AFTER THE MIGRATION TO CHINA IN 1771–1773

Abstract: This article analyzes previously unstudied aspects of the adoption of Orthodox baptism by Kalmyks who, after the migration of the main part of the Kalmyk Horde to China in 1771, returned to the territory of the Russian Empire. The source material for the study is the Orenburg Provincial Chancellery collection of the United State Archives of the Orenburg Region. The lower chronological boundary of the study is January 1771, the moment the Kalmyk Torgouts left their former nomadic camps; the upper chronological boundary is the autumn of 1773, the beginning of the uprising led by E. Pugachev. The conclusion substantiates the conclusion that the conversion of Kalmyks who returned to Russia from Buddhism to Orthodoxy was dictated by purely practical reasons. These included: financial assistance provided by the state to baptized representatives of non-Christian peoples; the desire to escape exploitation by the Kalmyk nobility; the opportunity to reunite with relatives who had already been baptized; and finally, the hope of avoiding punishment for illegal actions. The total number of Kalmyks baptized during the specified period is estimated to have been one hundred or more. The lack of consolidated statistical data prevents more precise data.

Key words: Cossacks, Kazakhs, Kalmyks, baptized Kalmyks, China, 1771 migration, baptism, Orenburg province, captivity, Russia, Christianization.

About the authors: Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University (Russia, Orenburg).

Polshkova Larisa Borisovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social Sciences and Humanities, Orenburg Theological Seminary (Russia, Orenburg).

Archival sources

1. Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (NART). F. 10. Op. 2. D. 1249. *In Russian*.
2. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (OGAOO). F. 3. Op. 1. D. 114. *In Russian*.
3. OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 118. *In Russian*.
4. OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 119. *In Russian*.
5. OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 120. *In Russian*.
6. OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 121. *In Russian*.
7. OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 136. *In Russian*.
8. OGAOO. F. 6. Op. 11. D. 323. *In Russian*.

Sources and literature

9. *Vitevskij V. N. I. I. Nelyuev i Orenburgskij kraj v prezhnem ego sostave do 1758 goda. Vyp. 2. Kazan' : Tipol-lit. V. M. Klyuchnikova, 1890. 368 s. In Russian.*
10. *Gurij (Stepanov), svyashchennomuchenik. Ocherki istorii rasprostraneniya hristianstva sredi mongol'skih plemen : v 2 t. T. 1. Kalmyki. Kazan' : Central'naya tipografiya, 1915. 254 s. In Russian.*
11. *Dzhundzhuzov S. V. Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na YUzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turacii i problema sohraneniya etnicheskoj identichnosti (seredina 30-h godov XVIII – pervaya chetvert' XX veka): monografiya. Orenburg : OGAU, 2014. 434 s. In Russian.*
12. *Dordzhieva E. V. Iskhod kalmykov v Kitaj v 1771 g. Rostov n/D : SKNC VSH, 2002. 210 s. In Russian.*
13. *Zabytaya zhatva. Missionerskaya deyatel'nost' sredi privolzhskih kalmykov. (K voprosu o metodah missionerskogo vozdejstviya na lamaitov). Rech', prednaznach. dlya proizneseniya na torzhestv. godich. sobr. Kazan. duhov. akad. 8 noyab. 1914 g. inspektorom Akad. i e. ord. prof., arhimandritom Guriem. Kazan' : Centr. tip., 1914. 49 s. In Russian.*
14. *Istoricheskoe obozrenie volzhskih kalmykov // ZHurnal ministerstva vnutrennih del. 1833. № 7. S. 279–325. In Russian.*
15. *Podrobnye svedeniya o volzhskih kalmykah, sobrannye na meste N. Nefed'evym. SPb. : tip. Karla Kraja, 1834. 286 s. In Russian.*
16. *Orlova K. V. Istoriya hristianizacii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v. M. : Vost. lit., 2006. 207 s. In Russian.*
17. *Rychkov P. I. Topografiya Orenburgskoj gubernii. Orenburg : Orenb. otd. Imp. Rus. geogr. obshchestva, 1887. 405 s. In Russian.*
18. *Syuryumov A. V. Kalmyckoe hanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij. Elista : Dzhangar, 2007. 462 s. In Russian.*
19. *SHovunov K. P. Kalmyki v sostave Rossijskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII–XIX vv.). Elista : Soyuz kazakov Kalmykii, Kalmyckij institut obshchestvennyh nauk, 1992. 320 s. In Russian.*